

Хроники Севера

Дж. А. Линс

Дж. А. Линс
Хроники Севера

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Линс Д.

Хроники Севера / Д. Линс — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Север, тихий и свободный... манящий холод бескрайних просторов и оживших преданий... Верите ли вы в легенды? Представьте на секунду, что одна из них вдруг оживет, чтобы указать вам ваш путь. Что, если весь мир – это невидимый ветер забытых сказок, которые когда-то были небесными ориентирами в погоне за судьбой? Что, если судьба овеяна холодным притяжением снежной пустыни, хранящей старые тайны и разбитые, унесенные метелью загадки? В повести "Хроники Севера" главному герою предстоит узнать, куда ведет его жизненный путь и почему он занесен снегом...

© Линс Д., 2018

© ЛитРес: Самиздат, 2018

...Я вошел в дом и отряхнулся у порога. У меня онемело лицо, шею холодил колющий снег. Щеки почти ничего не чувствовали, но лицо точно обволок теплый воздух светлой хижины. Навстречу вышел мужчина лет 65, высокий, широкоплечий, с улыбкой, пробивающейся сквозь завесу светлой бороды. На нем был теплый зеленый свитер с каким-то рисунком, который меня, признаюсь честно, мало интересовал. В руках мужчина держал алюминиевый чайник, старый, как сама жизнь.

– Привет, полярник! – воскликнул незнакомец, и улыбка расплзлась еще шире. Голос у него был низкий, бархатистый, будто кто-то крошечный у него в животе изо всех сил кричал в рупор, и этот звук, отскакивая от стенок брюха, искаженным и ненатурально спокойным выходил на свободу.

– Проходи, как раз чайник ставлю, – сказал он и суетящейся походкой, совсем не соответствующей его крепкому телосложению, просеменил на кухню, спеша заварить чай.

Я сел в кресло рядом с зажженным камином, не раздеваясь. Хижина была слишком идеалистической, и меня она с первого взгляда начала раздражать, как и этот безжизненный снег за ледяным окном.

А из другой комнаты слышался голос старика, слишком довольный, чтобы убедить меня в его искренней радости.

"Глупый старикан", – усмехнулся я про себя. Он все болтал, говорил, кажется, о своей здесь жизни (хотя какая может быть жизнь в заснеженной пустыне, которую природа клюшкой для гольфа запулила в самый дальний и недружелюбный угол планеты), наверное, даже назвал свое имя:

– Я, кстати, М... – но дальше я пропустил, потому что слушать его болтовню больше не мог, это было невыносимо.

Я закрыл глаза. Тепло одинокой хижины убаюкивало, наталкивало на приятные воспоминания, когда меня еще не засунули в эту клоаку. Там у меня была жизнь. Непыльная работа, друзья, а эти дурацкие исследования вышибли меня из обычного течения моих беззаботных дней, моего серого города, купающегося в теплоте дымов, моего окружения (хотя я был счастлив, что с некоторыми людьми не придется поддерживать контакт, потому что один их вид вызывал у меня нервный тик). И вот, я на Севере. Ну, точнее на юге, конечно.

Я знал, что снаружи холодно, нет, не холодно в привычном понимании этого слова, а по-настоящему холодно, как во рту у бога ветров, чертовски холодно, как в венах у костлявой смерти.

Я чувствовал, что сон уводит меня за руку в место получше, чем это, и что тяжелая легкость дремоты вуалью накрывает мое отогревшееся лицо. Я видел дымкой, как на картинах Рублева, проступающее сновидение, отраженное от яркого света дома. В ушах зазвенела тишина, и даже безостановочная болтовня старика больше не тормошила слух.

Вдруг в нос ударил резкий запах, и я очнулся, как очухиваются от потери сознания, когда им в лицо тычут баночкой с нашатырем.

– Чай будешь? – спросил бородач, все еще улыбаясь и протягивая мне кружку дымящейся жидкости с дурным запахом.

– Пахнет как не-чай, – скривился я, – Вы его из чего делаете?

– Ну, всего понемногу, имбирь там, лимон... Вкус необычный, зато бодрит и отогревает.

Я поставил чашку, все-таки всунутую мне стариком, на столик рядом с креслом. Мужчина отпил из своей кружки и уставился на меня голубыми, будто вода подо льдом, глазами, испещренными белыми зигзагами снега. Смотрел он долго, сверкая желтоватыми зубами... В комнате повисло неловкое молчание, во всяком случае, мне было неловко.

– Вы что, никогда людей не видели? – прервал я тишину, глотающим звуки вакуумом заполонившую воздух.

– Давно... никого не встречал, – протянул старик, опустив глаза, – Не часто, знаешь ли, сюда соседи заглядывают.

– Где остальные?

– На станции, работают. Станция далеко...

Мы снова замолчали. Я не знал, о чем с ним говорить, а он, кажется, уже наговорился.

– Откуда будешь? – неисчерпаемый источник слов! – Занесла нелегкая, а, молодец?

Он, кажется, мне подмигнул. Хотя я старался не смотреть в его лицо, вдруг поймет, что разговор не клеится, и отстанет.

– Я вот уж и не помню! – не унимался старик. – Ну, нет, родину-то я, конечно, помню, а вот свою жизнь без Севера – нет...

Он вновь засуетился, заходил по комнате, этот великан с подозрительно добрыми глазами.

– Как тебе здесь? Нравится? – вдруг спросил он, остановившись.

– Если только снег и холод могут нравиться, – фыркнул я.

– Зря ты так, Север любить надо. Иначе он проглотит тебя, заметет снежной бурей. И даже Гесна тебя не спасет.

– Гесна? Что за имя такое, Гесна? С чего бы ей меня спасать?

– Ты что, никогда не слышал легенду о детях Севера?

Я покачал головой. Кажется, я сам давал старику повод поболтать, но мне все-таки стало интересно. Я всегда любил сказки и легенды.

– Гесна, да... Царевна Гесна. Я расскажу тебе эту историю.

* * *

Когда-то, давным-давно, на Севере было государство, сильное и процветающее. Название его уж века как утеряно, да все и называли его просто Север. Северяне были народ свободный, как ветер, и такой же могучий. А царем Севера был Мороз, грозный, но справедливый государь. У него было немного детей: двое сыновей, Солнце и Буран, и средняя дочь, которую звали Гесна. Она была прекрасна, как луна, освещающая застывшее в темноте небо, как холодный снегопад, стеной вырастающий в воздухе. Волосы царевны сверкали золотом солнца, отражающимся от серебряных снежинок. Ее бездонные голубые, как у всей семьи, глаза часто заволакивались дымкой, когда она размышляла о чем-то своем, читая книгу...

Гесна знала, как вести себя с гостями, всегда находила верное решение. Все те, кто останавливался во дворце, были восхищены ее необыкновенной красотой. Девушка была высока и стройна. Молодая царевна носила белые платья, легкие, как хлопья снега на ветру. Ее грация была подобна самой природе: спокойная и такая же естественная. Гесна редко смеялась, поражая своей серьезностью и начитанностью ученых мужей со всего света. Однако же у нее была прекрасная улыбка – искренняя и нежная, как сердце матери.

Девушка хорошо играла на пианино – ей всегда нравились его звуки, его сонные ледяные мелодии и веселые ручейковые трели. Гесна великолепно танцевала, кружась в северном ветре ледяных вершин, поднимающихся до самого неба, в стеклянных торнадо бурана, холодного и нежного.

Танцевать Гесну научила мать... Женщина из племени Ветров. Никого на свете царь не любил так сильно, как ее... Никто на всем Севере не мог сравниться с царицей статью и умом. Да только вот женщина эта была из племени Ветров. От нее Гесна унаследовала смелость и милосердие, Солнце – вольность и доброту, а Буран – жестокость, самую сильную, что течет в жилах лишь воинов, и самое преданное сердце. А потом царица растаяла в воздухе, словно ее никогда и не было, потому что Ветер всегда гуляет сам по себе.

О, как любила Гесна Солнце – он был ей лучшим другом. Юноша был высокого роста, очень худой и бледный, а на лице, которое обрамляла светлая копна ржаных волос, постоянно

сияла улыбка. Но это был очень болезненный мальчик. С Юга его мать принесла ему страдание – он мучился от холода. Север, его дом, был Солнцу ядом. Царевич любил поэзию и часто, так часто, в своих собственных стихах воспевал те дальние края, где нашел бы он свое место. Всегда светел, терпелив, он был любимцем народа, его путеводной звездой. И народ бы пошел за ним, но старшим в роду был Буран, и царем должен был стать он.

Старший сын часто был при Морозе, царе Севера. Он учился управлять государством мудро, жестко, справедливо. Именно такой правитель нужен был этому суровому, монотонному краю. С ранних лет Буран обучался военному искусству, хоть это было и необязательно будущему царю. Буран сам хотел уметь держать оружие: ему нравился холод его стали, звон его металла, сталкивающегося с собратом. Что же до северян, они редко видели старшего царевича – он часто находился в замке, нелюдимый, задумчивый. Его прекрасные голубые глаза на худом лице смотрели куда-то вдаль, когда он оставался один, в темноте. Он не боялся тьмы: она пропитала его волосы, черные, как ночь, она была подвластна ему. Не тьма зла, а тьма Севера, его боль и злость, смертельный металлический холод его одиночества. Буран был высок, доставал порою до самого неба, если поднимал руку со сверкающим в лунном свете мечом. А когда кончик клинка дотрагивался до маленькой льдинки звезды, его неестественно красный рот изгибался в улыбке, то ли грустной, то ли зловещей.

* * *

– Ох, как-то мы засиделись! – воскликнул старик, посмотрев на часы. – Поздно уже. Знаешь, что за звезды здесь! Выйди и...

– По правилам я не могу без надобности выходить на такой холод, да к тому же один, – прервал его я, не желая вставать с места.

– А ты забудь о правилах на сегодня и посмотри на звезды, что сияют в ночи. Я обещаю, ты вернешься целым и невредимым, – старик снова мне подмигнул, улыбаясь, но на его ресницах я заметил хрустальную капельку слезы. Хотя... Наверное, он просто зевнул.

Мужчина поднялся с кресла и отяжелевшей походкой поплелся вон из комнаты.

– Эй, дед, погоди. А мне где спать-то?

Старик обернулся и указал мне на дверь в мою комнату, а потом заговорщицки прошептал: «Сегодня на небе звезды, которые принес буран». Наверное, дед совсем спятил от одиночества. Честно, я начал уже сомневаться, что мои будущие коллеги знают, где я. Что это вообще за дом, стоящий посреди снежной равнины? Хотя ладно, отсюда до «веселенькой» станции я все равно пешком не доберусь.

Я поднялся и направился к предназначенной мне спальне. Открыв деревянную дверь, я увидел маленькую комнату, обставленную довольно скромно. Посреди стояла кровать (уже хорошо) с аккуратно сложенным сиреневым покрывалом, рядом – тумбочка, на ней – ваза с настоящей лавандой, от которой исходил слабый запах удушливого, бархатного юга.

Через несколько минут я уже был в постели. Оказалось, я очень устал и буквально валился с ног. И только я положил голову на подушку, как меня унесло в неведомый мир грез, из которого возвращаешься порой другим человеком, но который никогда тебе не запомнится надолго.

Мне снился сон. В голове возникали бессвязные образы, расплывчатые картины. Девушка в платье из ветра, тихо танцующая босиком на тонком льду... Мужчина, восседающий на троне из огромного бриллианта, сделанного из слез, падающих с ресниц. Два похожих лица, но совершенно разных в то же время... И голоса, голоса, так много голосов, все они кричат, воют, звон железа, завывание вьюги! Волосы, отражающие свет, поглощающие тьму, синие глаза, смотрящие из-под кровати... А потом я оказался в снегу, мне протягивал руку какой-то силуэт. Мне так хотелось прикоснуться к тем пальцам, но я ужасно боялся зыбучего снега...

Я проснулся. Стало жарко, меня качало. Я подошел к окну, машинально открыл его и только потом вспомнил, где нахожусь. Однако с улицы на меня подул морозный, но не смертельно холодный ветер, а потом все замерло, будто звуки накрыла прозрачным куполом безмолвная ночь. Мне сильно захотелось на воздух, так сильно, что я почти физически ощущал эту растущую в свободе потребность. Я быстро оделся в три слоя и вышел из комнаты.

В гостиной было тихо. Электронные часы, стоявшие на столике, показывали 2:36. Я открыл входную дверь, переступил порог и будто оказался в другом мире. Тишина. Морозец остудил мое разгоряченное лицо, снег скрипел под ногами. Вокруг белизной сияла бескрайняя равнина, уходящая к далекому горизонту, но никогда не догонявшая его. Я поднял глаза к небу и увидел звезды. Они сверкали в безоблачном, бесконечном черном небе, поглощающем любой свет, притягивающем взгляд. Они плясали под северную музыку ночной тишины холода, кружились в шелковом вальсе серебра. Никогда еще мне не было так спокойно. Я улегся на колючее покрывало снега и, свернувшись калачиком, уснул, освещаемый светом звезд, которых принес буран...

Я проснулся от стука в дверь, с трудом разлепил глаза. Комната ярко освещалась лучами зимнего полуденного солнца, зажигающими частички бескрайнего снега. Я чувствовал себя таким разбитым, словно не спал уж тысячу лет. За дверью кто-то ходил, гремя алюминием сковородок. Стук раздался вновь, на этот раз звучал он дольше и радостней, наигрывая какой-то ритм. Это немного разозлило меня, потому что щенячий восторг старика никак не вязался с моим недовольством сегодняшним утром. Я наскоро оделся, умылся и вышел на маленькую кухню. Полкомнаты занимала старинная печка, облепленная черной сажей. У стены стоял крошечный столик, на нем дымилась овсяная каша в сверкающих мисках. Никогда не любил овсянку. В детстве меня пичкали ею на убой, потому что «это полезно, я вырасту сильным, как отец». Да, но с силой воли-то у него было не так хорошо... Иначе он не бросил бы нас с мамой, когда мне было восемь. Короче, каша – это не мое любимое блюдо.

– Доброе утро, – сказал я напевающему что-то старику.

– Доброе, – ответил он, словно довольный кот, – Никогда не знал, что это за мелодия, но она трогает мое сердце... Я называю ее «Танец на паутинке».

– Занятно, – протянул я, ковыряя кашу.

– Ты видел северные звезды ночью?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.